

Н. И. Николенко

**УКРАИНСКИЕ ЛЕКСЕМЫ
“НЕЗАЛЕЖНОСТЬ”, “ДЕРЖАВНИЙ”, “САМОСТИЙНИЙ”, “МОВА”
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Как отмечают украинские исследователи Л. А. Кудрявцева, Л. П. Дядечко, А. А. Черненко, И. А. Филатенко, “язык СМИ — это новая формирующаяся разновидность языка, которая оказывает на систему общенациональных языков наибольшее влияние и при этом является тем лакмусом, который первый обнаруживает тенденции, намечающиеся в развитии данной системы” [2; 435].

Язык СМИ обладает ярко выраженными социальными признаками и оказывает воздействие на социальные, экономические, культурные стороны жизни, а также в значительной мере формирует языковое сознание людей, поэтому он послужил материалом для анализа.

Российские ученые к основным чертам, характерным для языка СМИ сегодня, относят:

- 1) количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации;
- 2) разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации, которое находит отражение в языковой действительности СМИ;
- 3) демократизацию публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;
- 4) “американизацию” языка СМИ;
- 5) следование речевой моде [1; 427].

Характеризуя русский язык масс-медиа Украины, необходимо добавить “украинизацию” русскоязычных СМИ, которая проявляется в использовании украинизмов для создания национального колорита (и тем самым для усиления экспрессивности текста), в употреблении прямых включений словосочетаний и предложений на украинском языке в речи как характерологического средства, во введении в текст аутентичной украинской ономастической, в частности топонимической, лексики и т. д.

Цель настоящей статьи: рассмотреть функционирование украинских лексем “незалежність” (“незалежный”), “самостійність” (“самостийный”), “державний” (“держава”), “мова” в русском языке средств массовой информации Украины и России; определить функцию перечисленных лексем в русском дискурсе.

Анализируя дискурс СМИ, можно сказать, что лексем “незалежність”, “державність”, “самостійність” и “мова” создают социально-политический образ “новой Украины”. В рамках создания этого образа намечается возрождение национальной идеи, с которой связывают надежды на духовный расцвет нации, выход страны из кризиса.

Наиболее частотными в употреблении (46% из всех отмеченных нами примеров включения украинских лексем в русскую речь СМИ) являются слова “незалежность” (“незалежный”) (16%), “самостийный” (“самостийность”) (13%), “державный” (“держава”, “державность”) (9%), “мова” (8%).

Первое место среди перечисленных лексем по частотности занимает слово “незалежность” (“незалежный”). Главным праздником “новой Украины” является День Незалежности (не Независимости), а одним из символов — Майдан Незалежности.

В словаре украинского языка слово “незалежный” дается в следующих ЛСВ: “1. який не залежить від кого-, чого-небудь, не підкоряється комусь, чомусь; 2. самостійний у міжнародних відносинах та у внутрішніх справах; суверенний” [4; 308]. В русском дискурсе лексемы “незалежность”, “незалежный” свидетельствуют о том, что речь идет об украинском государстве: “Таков сегодня порядок в незалежной” (Крымская правда, 05.03.2004); “Прошло не так уж много времени, но от чувства “горячей признательности” к братскому русскому народу в незалежной Украине не осталось и следа” (Крымская правда, 03.02.2004).

На наш взгляд, украинские лексемы “незалежность”, “незалежный” в речи жителей Украины постепенно вытесняют русские лексемы “независимость”, “независимый” в сочетаниях “независимая Украина”, “независимость Украины” и подобных. Подтверждением этому служат многочисленные случаи употребления данного слова в русскоязычных передачах на украинском телевидении: “При советской власти не было понятия “национальность”, а сейчас, при незалежности, об этом заговорили” (Интер, “N-километр”, 14.05.2004, из речи человека крымско-татарской национальности); “Я голосовал против незалежности” (Интер, “Большая стирка по-украински”, 17.08.2004).

Слова “незалежный”, “самостийный” и “мова” являются украинскими лексемами и не входят в словарный состав современного русского языка.

Неотъемлемую часть образа “новой незалежной Украины” составляет украинский язык. Сочетание “украинский язык” в русском дискурсе все чаще заменяют одной украинской лексемой — “мова”. Например, в периодической печати: “Зато справочники и методички-инструкции, особенно по юриспруденции и делопроизводству, словом, все, что навязывается сверху на государственной мове — это в ходу” (Крымская правда, 11.02.2004); “Поток обращений обрушили они на президента и правительственные органы, стремясь искусственно создать впечатление общенародного требования заставить “российских шовинистов” отказать от своего родного языка и немедленно перейти на “мову” (Крымская правда, 24.05.2003). По словарю украинского языка “мова — 1. здатність людини говорити, висловлювати свої думки; 2. сукупність доволно відтворюваних загально-прийнятих у межах даного суспільства звукових знаків для об’єктивно існуючих явищ і понять, а також загальноприйнятих правил їх комбінування у процесі вираження думок; 3. мовлення, властиве кому-небудь; манера говорити; 4. те, що говорять, чий-небудь слова, вислови” [3; 768-769].

Лексема “мова”, употребляясь в речи масс-медиа, имеет ярко выраженную политическую коннотацию, особенно в СМИ Крыма и Восточной Украины.

Лексемы “мова”, “незалежність” и “самостийність” употребляются при описаниях русско-украинских отношений и в российских СМИ: “Язык Достоевского или *“мова окупантів”?*” (Российская газета, 30.10.1999), “Вести из *Незалежної*” (Дуэль, 16.10.2001), “Однако нынешние украинские СМИ имеют свои особенности... за без малого 10 лет *“незалежного”* плавання очи накопили некий опыт” (Русский журнал, 26.03.1999), заголовок статьи об Украине: “*Незалежність* слили в трубу” (Спецназ России, апрель 2001 г.); “*Самостийний*” глобус” (о глобусе, сделанном в Украине) (Завтра, 31.07.2001), “Блеск и пиццета *“самостийної”*” (статья об Украине) (Дуэль, 12.07.2001), “Он (Олесь Бузина) пропагандирует *самостийність* Украшны” (А. Малахов, ТВ, “Большая стирка по-украински”, 17.08.2004).

Лексема “самостийний” употребляется в украинском языке в следующих значениях: “1. який не перебуває під чієюсь владою; не підпорядкований. не підлеглий кому-, чому-небудь (про держави, політичні організації тощо); 2. відособлений від інших; який в ряді інших має значення сам по собі, окремий; 3. який здійснюється своїми силами чи з власної ініціативи, без сторонньої допомоги або керівництва” [5; 768-769].

Впрочем, слово “самостийность” есть и в других славянских языках и сфера его употребления несколько шире. Например: “Цезарь *ажелал покончить с этой понтийской самостийностью*” (С. Мерцалов, “Хронограф”, Русское радио, 12.07.2004); “Я и *самостийно вел переговоры...*” (Е. И. Примаков, ТВ, “Вести недели”, 27.10.2002).

Лексема “державна” является общеславянской по происхождению. Она образована от *държа* — “владычество, могущество”, сохранившееся ныне лишь в диалектах, с помощью суффикса — *ава*. Сл. *държа* в свою очередь является образованием от основы *dьrg-*, выступающей в *дєргать*, с суф. *j, dj > ж* [8; 124]. Эта лексема входит в состав обоих языков, но различается стилистической окраской.

В современном украинском языке “державна” — это общеупотребительная нейтральная лексема со значением “государство” [7; 127].

В современном русском языке слово “державна” относится к книжной лексике (в словаре дается с пометой *высок.*) и имеет следующие значения:

- 1) “независимое государство (обычно большое и сильное);
- 2) о стране, имеющей всемирно значимые достижения в какой-либо области: военной, экономической, спортивной и т. п.” [6; 204-205].

В русском языке наряду с лексемой “державна” функционируют синонимы “страна”, “государство”, среди которых “страна” — разговорная, нейтральная лексема; “государство” — нейтральная, официальная; “державна” — книжная, высокая.

При переносе украинского слова “державна” (государство) в русскую речь происходит коннотация дополнительных значений (государство большое и сильное, независимое), что придает тексту стилистическую окраску возвышенности, не свойственную современной газетной публицистике. Например: “*Потому что нью-Тузла — это своего рода визитная карточка оплота державной*

границы” (Крымская правда, 01.07.2004); “Процесс, который называют “русификацией”, возник значительно позже, когда часть украинской интеллигенции начала мечтать о независимой от России национальной державе” (Крымская правда, 24.05.2003); “Я думаю, что цель сегодняшнего мероприятия (премии самым талантливым молодым людям района) достигнута — оценен потенциал нашей гордости, будущего нашей державы” (Комсомольская правда в Украине, 07.07.2004); “Он имеет только один язык — украинский и только с ним может осуществлять себя и свою державу” (Крымская правда, 04.06.2003). В приведенных примерах речь идет об Украине, поэтому лексема “держава” в них воспринимается как украинизм и служит для усиления экспрессивности текста, создает иронический эффект. В русском контексте следовало бы употреблять слова “государство”, “страна”.

В таком же значении выступает слово “держава” в сочетании “незалежная держава”: “Хотя на него (о. Тузла), а стало быть, и на суверенитет незалежной державы, как выяснилось, никто не зарится” (Крымская правда, 01.07.2004); “Коснувшись с нового года периодики, он (НДС) не обошел и книжную продукцию, производимую в пределах незалежной державы” (Крымская правда, 11.02.2004). Выражение “незалежная держава”, употребляясь в русском языке, становится тавтологией, что создает еще более сильный иронический эффект.

Употребление украинских лексем в русской речи является также современной речевой модой, о чем свидетельствуют примеры включения украинизмов в свои произведения современными российскими писателями (“Нема за що” (А. Маринина “Светлый лик смерти”), “А як же ж” (Д. Донцова “Букет ядовитых ягод”), в кино (“Шерше ля фам — шукаем вумен” (телесериал “Российское лекарство”)).

Выводы

Языковая действительность, реализуемая в речевой практике СМИ, отражает все “болевые точки” нашего времени, обнаруживая при этом зависимость формируемого образа государства от масс-медиа. И необходимо признать, что русскоязычные СМИ, говоря об Украине, используют лексемы “незалежность”, “самостийность”, “державность”, “мова” чаще с целью создания иронического эффекта.

Однако какова бы ни была цель включения украинских слов в русский дискурс СМИ, многочисленные факты их употребления позволяют говорить о том, что они стали фактами языка. В настоящее время, на наш взгляд, уже можно утверждать, что в определенных контекстах украинские и русские лексемы выступают как взаимозаменяемые, при этом чаще употребляются украинские, придающие тексту эмоциональную окраску (часто политическую, скрытую):

- независимая Украина = незалежная Украина = незалежная;
- независимое государство = незалежная держава;
- украинское государство = украинская держава = держава;
- государственный = державный;

украинский язык (= государственный язык) = украинская мова = державная мова = мова;

самостоятельная Украина = самостийная Украина;

самостоятельность = самостийность.

Использование украинских лексем в русском языке СМИ — это тенденция, намечающаяся в развитии русского языка в целом. Мы считаем, что на наших глазах происходит заимствование украинских лексем в современный русский язык.

Литература

1. Володина М. Н. Влияние языка СМИ на современный русский язык. // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — С. 427.

2. Кудрявцева Л. А., Дядечко Л. П., Черненко А. А., Филатенко И. А. Формирование и развитие языка массовой коммуникации в современном информационном обществе. // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — С. 435-436.

3. Словник української мови. Т. 4. — Київ: Наукова думка, 1973. — 840 с.

4. Словник української мови. Т. 5. — Київ: Наукова думка, 1974. — 840 с.

5. Словник української мови. Т. 9. — Київ: Наукова думка, 1978. — 840 с.

6. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г. Н. Складневской. — СПб.: Фолио-Пресс, 2002. — 700 с.

7. Украинско-русский и русско-украинский словарь. — Харьков: Свитовид, 2002. — 576 с.

8. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. — М.: Просвещение, 1971. — 524 с.

Статья поступила в редакцию 14 октября 2004 г.

УДК 81'366.58

Н. В. Андросюк

МЕСТО ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛОВ В АСПЕКТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В ходе развития аспектологии внимание учёных неоднократно привлекали так называемые двувидовые глаголы. Анализ двувидовых глаголов содержится в работах Н. С. Авиловой, А. Н. Тихонова, М. А. Шелякина, И. П. Мучника, А. В. Исаченко, А. Н. Горбачевич, М. Ю. Чертовой, Л. П. Демиденко, им